

Герменевтика смысла

Поводом для написания данного текста стало известное высказывание Лотмана о том, что перевод есть элементарный акт человеческого мышления.

Утверждение само по себе достаточно парадоксальное и в чем-то даже непривычное. С точки зрения теории перевода – речь в данном случае идет не только и не столько о специальной лингвистической дисциплине, перевод здесь понимается как базовая единица взаимодействия культур, т.е. как метаязыковая процедура – ситуация разворачивается с точностью до наоборот. Есть некоторое высказывание *q* на языке *X1*, которое в процессе коммуникации тем или иным образом выражается на языке *X2*, при этом под переводом в данном случае и понимается сама процедура взаимоотношения названных языков с точки зрения возможности выражения в них искомого высказывания *q*. В таком случае, если вернуться к определению перевода как *элементарного* акта мыслительной деятельности, то получается, что само по себе выражение некоего ментального образа в рамках языка *X1* в виде высказывания *q* мышлением как таковым не является. Данное утверждение, если оставить его без надлежащего комментария, может быть неверно понято, в том числе и по причине собственной радикальности. Таким образом, наша дальнейшая задача будет заключаться в прояснении заложенного в лотмановском определении перевода смысле.

Феноменология смысла

Прежде всего необходимо произвести аналитическую интерпретацию предложенного определения. Мы видим, что в его рамках делается попытка дать определение **мышления** как такового. Это нужно будет постоянно удерживать в голове по ходу дальнейшей интерпретации. Крайне важно, чтобы за совершаемыми ниже аналитическими процедурами не исчезла основная интенция лотманского определения – интенция на понимание сути мышления.

Итак, извечное: что есть мысль? И вот тут то Лотман делает своего рода куль бит. Мысль есть перевод мысли. Казалось бы, абсурд. Получается, что перевод есть ни что иное как процедура продуцирования мысли. Но ведь совершенно очевидно, что до того как мысль будет переведена, она должна быть. Мы даже не будем добавлять расширения типа «быть сформулирована», «быть выражена» и т.п., так как это может внести дополнительную терминологическую путаницу. Просто *быть* и все. А бытие мысли, ее нозматический план перевода не подразумевает. Согласился ли бы с этим Лотман. Рискнем предположить, что да. Но тут же добавил бы, что его определению все это ни в коей мере не противоречит. Связано это с тем, что нозматический пласт мысли – это область ее чистой потенции. Лотман же подходит к мысли во всей ее полноте, добавляя к нозме мысли ее ноззу – актуализацию заложенной потенции. Выражение «добавляя» в данном случае не очень точно передает суть дела, но мы вынуждены пока его оставить, т.к. этого требует логика изложения материала. Теперь у нас появляется возможность повернуть рассматриваемое нами определение перевода в нужном нам ракурсе. Перевод, таким образом, это прежде всего процедура актуализации потенции мысли. Выходит, что мысль должна быть, во-первых, схвачена в своей чистой потенции, а, во-вторых, выражена тем или иным образом (проговорена, записана, нарисована – здесь это не имеет значение). Абсолютной нелепицей с этой точки зрения является избитая «мудрость», что де мысль изреченная есть ложь. Действительно разрыв между нозмой и ноззой мысли

существует. Но разрыв этот неизбежен по своей сути. Греки сказали бы, что нозза - это меон нозмы, а потому сойтись в одной точки они не могут в принципе. И тем не менее, ноззатическая процедура перевода ставит перед собой схождение двух этих направлений в качестве сверхзадачи. В веберевском смысле этого слова. Но повторимся еще раз: все разговоры об ограниченности языковых средств, якобы делающих невозможными полностью выразить «всю глубину находящейся в голове мысли» есть не более, чем пустые спекуляции, за которыми стоит ни что иное как непонимание сути проблемы, а то и элементарная человеческая лень. В этом отношении уместнее говорить не о точности и адекватности (или наоборот, неточности и неадекватности) перевода, а о степени наличия в нем изначальной мысли. Из всего сказанного непосредственно следует то, что мышление как процесс (Щедровицкий бы сказал мыследеятельность, - тяжело, но точно) есть процедура строжайшего отбора среди всего многообразия выразительных форм той единственной, которая и есть МЫСЛЬ в значении Образа и Концепта одновременно; одним словом – idea. Если же этого перевода не случилось, то и мышление не состоялось. Элементарность перевода означает здесь его атомарность, то бишь неделимость, основоположность в структуре мышления. Таким образом, схваченность чистой потенции мысли, данная в ее нозме, актом мышления названа быть не может.

В этой связи мы позволим себе утверждение, что столь часто встречаемое словосочетание «интуитивное мышление» абсолютно бессодержательно по своей сути. Как мы показали выше элементный состав его двуатомарен. Природа первой образующей его частицы – схватывания мысли – безусловно интуитивна. Тем самым в основе любой законченной мысли лежит проблеск интуиции. Выражение же схваченного носит языковой характер. Пока, быть может, не очень понятно, что в данной случае подразумевается под языком. Ясно лишь одно: мышление – это перевод в языковую оболочку непосредственно данного в интуиции. Следовательно, любое мышление интуитивно в указанном значении, но никакое мышление не сводимо к интуиции по своему определению.

Как же в таком случае быть с пресловутым языковым чутьем? Одним из следствий предложенного определения мышления как перевода является разведение по разные стороны языка и интуиции. Далее мы попытаемся показать, что противопоставления как такового здесь не наблюдается. Другое дело, что представление процесса нахождения нужного языкового выражения для интуитивно схваченной нозмы в свете предложенного Лотманом (и нами вслед за ним) определения как интуитивного озарения не совсем корректно. Но об этом - ниже.

Онтология смысла

Далее мы несколько усложним задачу. В предыдущем разделе мы рассматривали перевод как процедуру языкового выражения надязыковой потенции мысли. По сути дела здесь мы имеем дело с типичным примером автокоммуникации. Речь идет о коммуникаторе, пытающемся сформулировать некоторую мысль для самого себя. Прежде всего для себя. Другой здесь может выступать как толчок, повод, вызов (Тойнби). Одним словом как поле интенциональности. Но не как сама интенция. Ибо любая интенция – это вектор, направленность мысли на что-то, но идущая всегда от чего-то. Если воспользоваться терминологией Бахтина, то тезис о необходимости начала рассмотрения проблемы понимания через перевод с позиции автокоммуникации можно рассматривать как своего рода декларирование не-алиби коммуникации. В

прямом смысле этого слова: «в другом» месте мысль возникнуть не может. Точнее, может, но это будет уже другая мысль. Как это банально не прозвучит, но это будет застывшая мысль, мысль еще – или уже – не понятая, мысль без мышления. По большому счету, набор таких мыслей, объединенных по тому или иному принципу и представляет собой то, что постструктуралисты называют Текстом. И тут же добавляют, что существует он только в множестве возможных прочтений, то бишь интерпретаций, то бишь «пониманий».

По аналогии с автокоммуникацией мы можем назвать описанный выше процесс развертывания мысли автопереводом: переводом мысли из ее нозматической в ее же нозатическую область внутри отдельно взятого субъекта. Возникает закономерный вопрос: что в таком случае понимается под интересубъективным переводом? Ответ на этот вопрос должен раскрыть нам еще один ракурс лотмановского определения. Более того, именно интересубъективная коммуникация позволяет раскрыть его в полной мере. Хотя на первый взгляд определение перевода как элементарного акта мыслительной деятельности наиболее уязвима как раз в двусторонней коммуникации. Действительно, если мы придерживаемся той точки зрения, что до начала процесса перевода мышление как бы и не начинается, то получается какая-то путаница. Возьмем простейшую ситуацию. Субъект А сформулировал некоторую мысль, которую субъект Б тем или иным образом для себя перевел. Уже сама грамматическая структура этого предложения явно указывает нам на то, что процедура перевода осуществилась *после* исходного выражения мысли. Следовательно, в данной ситуации, впрочем, как и в любой другой полисубъектной коммуникации, перевод будет априорно вторичным образованием.

Ответ на данное возражение в определенной степени уже был дан в предыдущем абзаце. Следуя предложенной там логике, ниже мы попытаемся углубить рассматриваемое определение перевода. Для этого нам потребуются реконструировать мыслительный процесс второго коммуникатора точно по той же схеме, которая была выработана для первого участника коммуникативного акта. В конечном счете мы должны будем достигнуть такого понимания сущности и предназначения процесса перевода, которое позволит нам увидеть существенную разницу между моно- и полисубъектной коммуникации. Тем самым мы сможем перейти от в чем-то достаточно непривычного понятия автоперевода к переводу в наиболее распространенном его значении.

Как уже было сказано, морфологически структура развертывания мысли при многосубъектной коммуникации мало чем отличается от автокоммуникативного ее варианта. Элементы, ее образующие, все те же. Последовательность их складывания – такая же. Принципиальное отличие – в интенциональности самого перевода. Именно здесь мы впервые сталкиваемся с разнонаправленностью мысли. Самое удивительное заключается в том, что это полиинтенциональность мышления как перевода есть совершенно естественное его состояние. При том, что речь идет о одновременности этого процесса. Другими словами мы хотим сказать, что если в процессе коммуникации мышление хотя бы в один из его моментов, а так же во всей их совокупности не происходит сразу же в двух направлениях – пространственная аналогия в данном случае не самым лучшим образом передает суть дела, но пока ее лучше оставить, – то это по большому счету и не мышление вовсе. Попытаемся дать более подробное описание всего этого процесса. Для этого нам нужно будет ответить на классический вопрос: что же все-таки переводится в переводе? Ответ на него

